

2.5. Замужество

Молодые замужние женщины с 25 до 30 лет находились в возрастной группе *келіншек*. Женщины в возрасте от 30 до 45–50 лет находились в группе *сары қарын*, а после 50–55 лет переходили в последнюю возрастную группу *бәйбіше*. Каждой возрастной группе соответствует свой социальный статус, предполагающий определенный набор прав и обязанностей женщины в семье мужа.

Если социальный статус девушки в семье родителей был достаточно высок, то после заключения брака статус женщины в семье мужа заметно понижался. Это выражается и в ограничении личной свободы женщины, наложении на нее ряда поведенческих запретов, по крайней мере до рождения первого ребенка или до момента беременности. Все интересы женщины после брака должны были быть подчинены интересам новой семьи. Запреты в поведении и новые нормы этикета, которым следовала замужняя женщина, были следующие: женщина обязана была избегать и не называть по имени отца мужа, ей запрещалось называть имена братьев мужа, она должна была подбирать для них подходящие прозвища, даже имя самого мужа женщине запрещалось произносить, ей приходилось заменять личное имя мужа нарицательным (например, *от ағасы* — «хозяин огня») или называть его отцом своих детей (Самойлович 1915: 164; см. также: Қазақ халқының дәстүрлері... 2006: 334–336, комм.). Молодая невестка была обязана полностью подчиняться свекрови, слушать ее наставления и выполнять все домашние и хозяйственные работы, на которые та ей укажет. Кроме этого, *келін* (невестка, сноха) соблюдала ряд обязательных этикетных норм в каждодневном поведении: она была обязана раньше всех вставать, готовить чай, приветствовать старших родственников, всегда вести себя скромно, не вступать первой в разговор, а только отвечать на заданные вопросы.

Все эти традиции, хотя и в редуцированном виде, сохраняются до настоящего времени. Но какой в них смысл? Что заставляло людей запрещать молодой женщине называть имена мужчин в семье своего мужа или избегать встреч с главой семьи? Корни этого обычая уходят в глубокую древность. Девушка, вышедшая замуж, считалась чужой в роду своего мужа, по крайней мере, до рождения у нее ребенка, что могло расцениваться как приобщение к крови этого рода. А чужак всегда опасен. Запрет на называние имен членов семьи является мерой вынужденной, направленной на предохранение их от возможного негативного воздействия чужака. Нарушая запреты, женщина нано-

сила вред не столько самой себе, сколько всей семейно-родственной группе мужа. С возрастом женщина все больше приобшчалась к роду мужа, поэтому ряд запретов смягчался или исчезал вовсе.

Возможно, с представлением о «женщине чужой» в роду мужа связана следующая примета: если женщина перейдет дорогу едущему, то добра в его пути не будет (Диваев 1922: 136; Сабитов 1956: 205; Ажигали 2001: 51). Казашки никогда не нарушали этого правила. Зато если женщина ехала в сопровождении мужчины, а значит, находилась под его присмотром, то, как пишет А. Диваев (1922: 136), «казашке оказывали всякое почтение и внимание». По-видимому, автор расценивал запрещение женщине переходить дорогу мужчине как проявление неуважения к ней со стороны мужчин, хотя, с точки зрения самих казахов, это является не показателем неуважения к женщине, а лишь этикетной нормой поведения, закрепленной обычаем.

Впрочем, не нужно думать, что молодые девушки-невестки становились в семье мужа подневольными служанками, жизнь которых была исключительно строго регламентирована. Часто свекровь принимала жену своего сына тепло, относилась к ней как к дочери, обучала ведению хозяйства, внушала необходимые нормы женского этикета. Девушки, особенно в первый год замужества, редко обременялись домашним трудом и проводили больше времени в обществе своих сверстниц, постепенно вникая в правила поведения в новой семье. Если девушка обладала необходимыми человеческими качествами, то достаточно быстро завоевывала доверие и любовь как старших родственников мужа, для которых она и была *келін*, так и младших братьев и сестер своего мужа, для которых она становилась заботливой *жеңге*.

Переходным моментом считалось не просто вступление девушки в брак, а рождение ею первого здорового ребенка. Это событие изменяло не только статус самой женщины, но и статус ее мужа, семьи в целом. То, что рождение женщиной первого ребенка имело для нее большое значение, четко прослеживается и в особенностях женского костюма в первый год замужества: в переходный момент от девичества к материнству. Иногда в течение года, то есть в тот срок, за который молодуха должна родить первого ребенка, женщина продолжала носить девичье платье с оборками и свадебный головной убор *сәукеле* или, по крайней мере, шаль от него — *жаулық*, а сам головной убор надевала только в торжественных случаях. Смена головного убора чаще всего происходила после объявления о беременности женщины или сразу после первых родов. Снятие головного убора невесты со-

проводилось особым обрядом: все женщины аула собирались на угощение, устраиваемое свекровью молодухи, и снимали с молодой женщины головной убор невесты, заменяя его новым убором замужней женщины. Этот обряд подтверждал право молодухи называться замужней женщиной.

Если девичьи головные уборы были однотипны, то головные уборы замужних женщин имели территориальные различия, но всегда шились из белой ткани. На большей части Казахстана замужние женщины носили *кимешек*, который плотно облегал голову и закрывал шею, грудь, плечи. Детали и украшения *кимешека* менялись в зависимости от возраста женщины. У молодых женщин он был богато украшен вышивкой, кораллами, серебряными бляшками, жемчугом. С возрастом количество украшений на кимешеке уменьшалось. Когда женщина выходила из фертильного возраста, она носила белый головной убор, иногда украшенный простой вышивкой, выполненной белыми нитками. В Западном Казахстане у некоторых родовых групп кимешек был неизвестен, замужние женщины носили сложенный по диагонали белый платок (*жаулық, астыңғы жаулық*), концы которого перекрещивали на груди. Верхнюю часть женского головного убора представлял тюрбан: его форма, название и способы ношения различаются в зависимости от места проживания и родовой принадлежности женщины.

С возрастом изменялась и прическа женщины. Если в девичестве казахские девушки носили мелкие косички, часто скрепленные в одну или две косы с украшениями на концах, то после вступления в брак молодые женщины заплетали только две косы на прямой пробор.

В костюме девушки и женщины, находящихся в репродуктивном периоде, преобладал красный цвет как распространенный среди народов тюркского мира символ плодородия и способности к деторождению. С возрастом у женщины наблюдается постепенное снижение фертильности. В костюме женщины после 30 лет красные тона уступали место более спокойным цветам, носить в этом возрасте одежду красного цвета с большим количеством украшений считалось уже неприличным. Молодые и среднего возраста женщины с конца XIX века стали шить платье — *көйлек* по новому покрою: отрезным, с лифом и с отрезной по талии юбкой. Пожилые женщины предпочитали платье старого образца: туникообразного покроя, сшитые из темной ткани с практически полным отсутствием каких-либо украшений (исключением являлась нагрудная нашивка *өңір*). Чем старше становилась женщина, тем меньше украшений она носила. Часть украшений по-

жилая женщина дарила своим невесткам и дочерям, часть откладывала для раздачи своим сверстницам во время ее похорон. В итоге старые женщины снимали с себя практически все украшения, оставляя лишь необходимый минимум — кольца, браслеты, так как в традиционной культуре женщина, не носящая вообще ювелирных украшений, считается нечистой, не имеющей права даже готовить пищу.

Переход в возрастную группу *сары қарын*, что значит «женщина в годах (много рожавшая)» (букв.: «желтое, спелое брюхо»), предполагал наличие у женщины значительного жизненного опыта и взрослых детей. К этому времени ее статус в семье мужа заметно поднимался. Теперь она не была уже младшей невесткой: если у мужа были младшие братья и к этому времени они женились, то в общей социальной иерархии женщин семьи их жены становились младшими снохами. А если сын был единственный или младший у родителей и обязан был жить вместе с ними и наследовать хозяйство отца, то свекровь, как правило, смягчалась в отношении «повзрослевшей» невестки, которая постепенно становилась хозяйкой дома. Свекровь старела и переключалась обязанности по ведению домашних и хозяйственных работ на плечи невестки, сосредоточиваясь больше на воспитании внуков.

В этот период жизни женщины полностью переходили в статус *жеңге (жеңгей)* — жен старших родственников. Этот статус был заметно выше статуса просто замужней женщины, более того, *жеңге* и сама могла уже быть свекровью, а следовательно, вступала в специфическую сферу статусного общения младшей женщины в семье — невестки и старшей — свекрови. Как уже упоминалось, *жеңге* принимали активное участие в свадебных обрядах, в некоторой степени выступая инициаторами тайных встреч жениха и невесты с целью приобщения их к традиционным нормам сексуальных взаимоотношений.

Некоторые предписания в поведении замужней женщины становились необязательными, скажем, для вдовы. У казахов был такой обычай: когда молодая женщина встречалась с мужчиной солидных лет, она становилась на правое колено и оставалась в таком положении до тех пор, пока не проедет или не пройдет этот мужчина. Ответом со стороны мужчины должно было быть легкое кивание головой и пожелание долгих лет жизни. Такое почтение женщин к мужчинам — *тізе бұғу* — называлось «преклонить колено». Все эти почести воздавались мужчинам до тех пор, пока женщины были замужем, но в случае вдовства женщины могли пренебречь этим обычаем (Баллюзек 1871: 156; Диваев 1897: 181–182; Левшин 1832, III: 125).